

М.В. Шлюпиков^{1*}, М.М. Шлюпикова²

¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан;
²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
(E-mail: shlyupikovm@mail.ru; masha.97sh@gmail.com)

Ландшафты Средневековья: Фернан Бродель о проблеме кочевничества в средневековом мире Средиземноморья

Научное наследие выдающегося французского учёного, признанного лидера второго поколения исторической школы «Анналов» Фернана Броделя продолжает находиться в сфере историографического интереса. Однако не все аспекты его исследований получили адекватную оценку. Автором статьи рассмотрены концептуальные подходы Ф. Броделя к истории взаимодействия человека и природы в Средиземноморье и прилегающих регионах через проблему кочевничества. Метод рассмотрения данного вопроса соответствует основным принципам историографического исследования: выявление авторской содержательной позиции путём анализа его трудов, характеристика источниковедческой базы и методики критики используемых источников. Кочевничество у Броделя — это не только феномен степей Центральной Азии, пастбищ Иранского нагорья, песков Сахары, но и органическая часть жизни развивающихся обществ Пиренейского полуострова, Прованса, Апеннин, Балкан, Малой Азии. Ф. Бродель столкнулся с задачей охватить во всей целостности многочисленные проблемы, связанные с перегонами скота на выпасы и с кочевым образом жизни, то есть с регулярными перемещениями человеческих масс и стад скота. Бродель восстанавливает модель кочевой жизни Балкан, Анатолии и Северной Африки. Здесь сталкиваются, на его взгляд, разные типы общества, разные типы ведения хозяйства, разные цивилизации и образы жизни. Бродель соглашается с выделением нескольких видов сезонных перемещением скота. Сезонные перегоны скота связаны, по мнению Ф. Броделя, с самыми разнообразными факторами: физическими, социальными, историческими. Кочевничество, полагает Бродель, имеет более древнее происхождение, чем отгонное животноводство. Пастухи-кочевники постепенно и последовательно вытеснялись с внутренних равнин и низменностей и были отброшены к гористым окраинам и периферийным равнинам. Переизбыток пустых пространств обрекает, по мнению Ф. Броделя, общество и хозяйство на вечное движение. Маятниковое движение степных кочевников к морю, а затем обратно от моря к пустыне Бродель считал одним из существенных факторов истории Средиземноморья. Кочевничество с его суровой замкнутой «культурой» говорит, по мнению Ф. Броделя, об очевидном детерминизме.

Ключевые слова: Бродель, историография, кочевничество, отгонное животноводство, Средиземноморье, Сахара, Ближний Восток, пустыня, оазисы, караванная торговля, ислам, арабские завоевания.

Введение

Вклад известного французского учёного Фернана Броделя (*Fernand Braudel — фр., 1902–1985*) в изучение проблем средневековой и новой истории Средиземноморья и сопредельных территорий весьма значителен и в современной науке неоспорим [1–3; 15–19]. В 1950–1980-е гг. увидели свет целый ряд его оригинальных работ, была сформирована авторская концепция «глобальной истории», в которой проблемам взаимодействия человека и природы, оседлых и кочевых цивилизаций уделялось значительное внимание [4–14].

Средневековый мир Средиземноморья рано и надолго увлёк Фернана Броделя. Море и кочевники — понятия несовместимые, но только не в исторической концепции Ф. Броделя, который сумел ретроспективно связать Внутреннее море, прибрежные регионы Южной Европы, Апеннин, Балкан, Малой Азии, Ближнего Востока, Северной Африки и более удалённые горные и низменные, пустынные и пастбищные, густо- и редконаселённые пространства.

Кочевничество у Броделя — это не только феномен степей Центральной Азии, пастбищ Иранского нагорья, песков Сахары, но органическая часть жизни развивающихся обществ Пиренейского полуострова, Прованса, Апеннин, Балкан, Малой Азии, принимающая форму отгонного животноводства.

* Автор корреспондент. E-mail: shlyupikovm@mail.ru

С учётом возросшего интереса к проблемам экологии и устойчивого развития представляется важным исследование истории взаимодействия человека и природы в разных регионах мира, особенно активно участвующих в цивилизационном строительстве, или пограничных пространств, ставших объектами социальной коммуникации.

Под талантливым пером большого мастера оживают ушедшие эпохи, наполняются смыслом так называемые структуры повседневности: без однообразия кочевой жизни, монотонности сезонных перекочевков, без контактов оседлого мира и мира номадов, и полуномадов цивилизация Средиземноморья останется понятой фрагментарно, локально ограничено. Действительно ли «привычка к кочевой жизни» является одним из отличительных свойств азиатских народов?

Своё «видение» проблем кочевничества Ф. Бродель изложил в фундаментальном труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» [9–11], «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» [6–8], «Грамматика цивилизаций» [4] и других.

Научное наследие Броделя изучается долго и плодотворно [1–3, 15–19]. Отдельные проблемы исторических исследований знаменитого французского учёного уже были в сфере нашего научного интереса [20–23]. В данной статье мы затронем лишь узкий, но чрезвычайно важный аспект исторического взаимодействия человека и природы в трактовке талантливого историка.

Методы и материалы

Какова источниковедческая база исторических исследований Ф. Броделя? Насколько он был точен в анализе разнообразных письменных источников и данных географии, климатологии, статистики, археологии, топонимики, ономастики? Наверное, мы не первые, кто задаёт вопросы, постановка которых очевидна для любого профессионального исторического исследования.

Нас интересуют, в первую очередь, методы историописания Ф. Броделя, то, как историк использует в своих научных интерпретациях, в построении концептуальных схем развития мира кочевников средневековья, его взаимодействия с морскими оседлыми обществами фактические данные, почерпнутые из разных источников, в том числе корреляции собственных наблюдений географических ландшафтов региона Средиземноморья, этнографических данных.

Наш историографический анализ направлен, в первую очередь, на то, как строится его концепция кочевничества, насколько она обоснована или фактически уязвима, является ли она самостоятельной или служит лишь вспомогательной конструкцией некоей общей концепции «глобальной истории» с очевидным креном в сторону вестернизации или географической детерминации важных исторических процессов. Найти адекватные ответы на эти вопросы нам поможет тщательный анализ научных произведений Фернана Броделя, ставших широко известными и переведённые на многие языки.

Результаты и обсуждение

В своей концепции «глобальной истории», которая только вызревала, обозначалась пунктиром, яркими, колоритными мазками исторических зарисовок динамики средиземноморского мира, Ф. Бродель столкнулся с задачей охватить во всей целостности многочисленные проблемы, связанные с перегонами скота на выпасы и с кочевым образом жизни, то есть с регулярными перемещениями человеческих масс и стад скота [9; 96]. Кстати, это французский историк считал одной из характерных особенностей средиземноморского общества.

Ф. Бродель понимал, что эти постоянно возобновляемые передвижения трудно будет до конца объяснить, если ограничить рассмотрение только полуостровными частями континентов [9; 97]. Он предлагает совершать экскурсии на восток и на юг, чтобы охватить жизнь скотоводов на протяженных границах пустынь.

Бродель соглашается с выделением нескольких видов сезонных перемещением скота. Прежде всего, это «нормальный» выгон скота в горы, когда его собственники и пастухи являются обитателями равнины, они покидают её летом, в неблагоприятное для равнинного скотоводства время [9; 97]. Горы, по мнению Ф. Броделя, в этом процессе выступают всего лишь как конечный пункт этого перемещения в пространстве. При этом пространство часто принадлежит крестьянам с равнины, но в основном его арендуют у горцев.

Трудность проблемы заключается не только в том, чтобы составить перечень видов отгонного животноводства, но и в том, чтобы провести его разграничение на севере со скотоводством альпий-

ского типа, а на юге со степным кочевничеством, что возвращает нас к попытке обозначить границы средиземноморских территорий [9; 138].

Арль, к примеру, к XVI веку уже, возможно, на протяжении четырёх или пяти столетий являлся центром массовых летних перегонов скота. Пример «обратных» перегонов скота в XVI веке наблюдается, по мнению Ф. Броделя, в испанской Наварре. На этот раз стада и пастухи спускаются с высокогорной местности [9; 97]. При этом на долю низин выпадают только рыночные функции, если там есть рынок. Эти зимние переходы напоминают, по мнению Ф. Броделя, беспорядочное бегство. Обратные перегоны скота, отмечает Бродель, происходят также в Калабрии, когда пастухи и стада зимой и весной скапливаются на узких полосках прибрежной земли [9; 98]. Существовал ещё смешанный вид, обладающий признаками и летних, и зимних передвижений. В этом случае, считает Ф. Бродель, отправной пункт и место жительства скотоводов располагаются на середине склона, на полдороге между двумя пастбищами [9; 98].

Сезонные перегоны скота связаны, по мнению Ф. Броделя, с самыми разнообразными факторами: физическими, социальными, историческими. В Средиземноморье они представляют собой принимаемые по вертикали перемещения с зимних пастбищ, располагающихся на равнине, на лето, расположенные в горах [9; 98]. Это, полагает Ф. Бродель, существенная часть жизни обеих этапов и одновременно передвижения людей. Они занимаются только скотоводством или уделяют какое-то время обработке земли. Эти люди, утверждает французский учёный, могут обитать как наверху, так и внизу, они могут иметь постоянное жилище или не иметь его [9; 98].

Две данности — рельеф и время года, по мнению Ф. Броделя, обычно предопределяют то, что может и должно происходить [9; 99]. Кочевничество, полагает Бродель, имеет более древнее происхождение, чем отгонное животноводство. Перегоны скота являлись одной из форм средиземноморской пастушеской жизни, протекающей как на равнинах, так и на горных пастбищах. Эта испытанная форма, считает Ф. Бродель, представляет собой результат длительной эволюции [9; 99]. Передвижение стад сопровождается перемещением только одной группы населения, специализирующейся на скотоводстве.

Номады, заявляет Ф. Бродель, напротив, всё перевозят с собой на большие расстояния: людей, скотину и даже дома [9; 99]. Небольшие стада номадов растворяются в огромном пространстве иногда очень маленькими группами. Сезонные перегоны скота и кочевничество выглядят, по мнению Ф. Броделя, разновременными явлениями, порождениями разных эпох [9; 101]. На всём пустынном и полупустынном пространстве, которое окружает юг Средиземноморья и тянется в сторону Центральной Азии и далее, осёдлость, считает Ф. Бродель, превращает потомков древних номадов в пастухов, ведущих менее суровый образ жизни, занимающихся, по сути дела, выгоном скота [9; 101].

Такая временная последовательность — кочевничество, обратные перегоны скота, так называемые «нормальные» перегоны скота — представляется Броделю правдоподобной. Перемещения стад представляют большой фискальный интерес, от которого не может отказаться ни одно государство, с интересом помогающее в организации и охране таких передвижений [9; 102].

Бродель приводит пример нормального перегона скота в Вичентино, окрестности Виченцы, когда скот летом выдвигается в горы и этот перегон проходит в стычках с жителями гор по поводу аренды или использования высотных пастбищ [9; 102]. Рассматривая отгонное животноводство в Кастилии, Бродель различает «большие перегоны», которые достигали 800 км и перегоны на короткие расстояния [9; 105].

Несмотря на дальность расстояний, Бродель считает, что мы имеем дело не с номадами, поскольку баранов и овец сопровождают профессиональные пастухи. Речь, по мнению французского учёного, не идёт о переселенческом движении [9; 105]. Пастушеская жизнь способствовала развитию иберийской экономики больше, чем оливы, виноград или даже сокровища Перу, соглашается Ф. Бродель с Роберто Лопесом (Roberto S.Lopez) [9; 106]. Пример Кастилии подводит Броделя к выводу, что всякая система сезонных перегонов скота предполагает наличие сложных внешних и внутренних структур [9; 108].

Путешествующие пастухи, по выражению Ф. Броделя, это особый мир, особая цивилизация. Перегоны скота — явление, зафиксированное многими установлениями, находящееся под охраной разных опекунов, уставов, преференций [9; 108]. Любая система перегонов скота, считает Бродель, формируется в силу потребностей сельскохозяйственной деятельности. Всякий логический анализ должен начинаться с земледелия как перводвигателя [9; 109].

Пастушеские дороги Ф. Бродель находит в Кастилии, в Восточных Пиренеях, в Лангедоке, в Провансе, в Италии, в Сицилии, в Румынии. Древние следы и остатки этой дорожной сети образуют, по его мнению, довольно четкую географическую картину [9; 110]. На средиземноморском пространстве XVI века сезонные перегоны скота, по мнению Ф. Броделя, были ограничены рамками Иберийского полуострова, Южной Франции и Италии. На других полуостровах — на Балканах, в Анатолии, в Северной Африке — «их следы тонут в потоках всеобъемлющих кочевых или околочевых передвижений» [9; 110]. Только часть Средиземноморского региона, считает Ф. Бродель, располагает достаточно развитым земледелием, достаточно многочисленным населением, достаточно активной экономикой, чтобы заключить пастушескую деятельность в свои узкие, тесные рамки [9; 110].

Для кочевников порой ключевую роль играет средство передвижения на огромные пространства. Бродель с интересом анализирует существо этой проблемы. На его взгляд, на востоке и на юге Средиземноморский регион пережил два нашествия, затронувших его вплоть до основания: нашествие арабов, начиная с VII века, и нашествия турок, начиная с XI века. Отправной точкой последних, утверждает Ф. Бродель, были «холодные» пустыни Центральной Азии и они сопровождались распространением или усилением распространения верблюдов [9; 110]. Первые начинались в «жарких» пустынях Аравии и способствовали экспансии дромадеров. По мнению Ф. Броделя, это два разных животных: верблюд, родина которого Бактрия, не боится ни холода, ни высоты; дромадер, выходец из Аравии, остаётся детищем песчаных пустынь и жаркого пояса, он практически непригоден к путешествиям по горным дорогам и не выносит низких температур [9; 111].

Важное значение для обоих животных имеет окружающая среда. Широкая пограничная зона, по мнению Ф. Броделя, разделяет области их обитания. В грубом приближении этой зоной Бродель считает Иранское плоскогорье, сильно промерзающее зимой, а Анатолийское плато являлось скорее закрытым для дромадеров [9; 111]. Если арабское завоевание потерпело неудачу в Малой Азии, если арабы никогда не чувствовали себя уверенно в Персии, это, по мнению Броделя, следует приписывать, по большей части, как раз ограниченным возможностям дромадеров.

В Северной Африке арабы обогнули безлюдные горы, граничащие с морем и благодаря изобилию осадков, покрытые густыми лесами. Эти сохранившиеся с древних времён леса, которые люди всегда щадили, во время арабского завоевания служили укрытием для беженцев. В VIII–XII вв. марониты и друзы обосновались в Ливане и, создавая своё государство, они расчищали территорию от лесов [9; 111]. После массового притока кочевников в Северную Африку с X и XI вв. «бедуинизация», последовавшая за арабским нашествием, заполонила, по мнению Ф. Броделя, как потоп эти давно или недавно заселённые горные края.

Появление турок с их верблюдами в горах Малой Азии и в меньшей степени на Балканах повлекло за собой, считает Ф. Бродель, сокрушительные, иногда необратимые перемены [9; 112].

«Агрессивные кочевники» взбирались на самые верхние этажи горного края, «поднимаясь выше пределов лесного пояса» [9; 112]. Великое дело весной покинуть стоянку, которая стала обиталищем блох и рассадником червей, и, «самое главное, стронуться с места, двинуться в путь». Броделя заинтересовала турецкая поговорка: «Юрюк (кочевник, путник) не обязан направляться куда-то, главное, чтобы он двигался», побуждаемый к этому скорее традицией, чем географическими предпосылками [9; 112].

Богатая история этих передвижений, по мнению Ф. Броделя, запутанна. Кочевникам приходится бороться с постоянно возобновляющимся противодействием оседлых жителей, так как они должны преодолевать, обходить или ломать препятствия, воздвигаемые этими последними, и иногда отступать перед их безмолвным натиском [9; 112]. В Малой Азии в период с XIII по XV вв., считает Ф. Бродель, пастухи-кочевники постепенно и последовательно вытеснялись с внутренних равнин и низменностей и были отброшены к гористым окраинам и периферийным равнинам.

В XVI веке турецкое правительство, по оценкам Ф. Броделя, не прекращало попыток «приручить» юрюков и сделать их оседлыми путём наделения земельными участками [9; 112]. Но это была, заключает французский учёный, безнадежная задача. Если кочевой образ жизни угасает в Западной Анатолии, то он процветает на востоке, куда прибывают кочевники из Азии, известные под общим именем «туркмены» [9; 113]. Начиная с XVI века предметом особой заботы османских правителей и сборщиком податей, считает Ф. Бродель, становятся кочевники-туркмены. Для Порты речь идёт о взимании налогов с туркмен, о наборе среди них воинов для конницы [9; 113].

Ещё один аспект, который отмечает Ф. Бродель, это борьба с Персией, повлекшая за собой вытеснение в Иран шиитских племён, а сунниты, напротив, продвигались на запад и пополняли ряды

кочевников-юрюков [9; 113]. В целом, кочевая жизнь развивается, по мнению Ф. Броделя, по циклам, в которых есть остановки, периоды застоя, плавного развития и возобновления.

Средиземноморье, расположенное на стыке жарких и холодных пустынь, сталкивается с проникновением в свои пределы образа жизни, естественного для кочевников Азии [9; 113].

Бродель восстанавливает модель кочевой жизни Балкан, Анатолии и Северной Африки, где система сезонных перегонов скота была нарушена, оттеснена на окраины или подверглась значительным изменениям. В Северной Африке каждое лето многочисленные кочевники пригоняют свои стада к морю, а с приближением зимы они возвращаются на юг и в Сахару. В Анатолии и тем более на Балканах потоки сезонных движений скота смешиваются и сталкиваются, по мнению Ф. Броделя, с кочевыми [9; 114]. На востоке Балканского полуострова турецкое правительство под давлением обстоятельств основало колонии кочевников, юрюков Малой Азии, намереваясь прикрепить их к месту и усилить свои вооруженные силы.

Впрочем, заявляет Ф. Бродель, это не единственные кочевники на пространстве Балкан [9; 114]. Передвижения кочевых, или полукочевых скотоводов осуществлялись каждый год с началом лета, когда они вновь выдвигались в горы. «Это, несомненно, кочевники», утверждает Бродель, потому что с ними едут их семьи. За цепью баранов, определяющих скорость движения, идёт обоз, включающий до тысячи лошадей, с хозяйственной и домашней утварью, палатками [9; 114, 115].

Кочевниками, по мнению Ф. Броделя, были и те люди вблизи Анкары, где разводят ангорских овец и баранов, которых знают в Северной Африке под именем берберских [9; 115]. Пастухи, управляющие этими стадами, время проводят в поле, с ними семьи на двуколках-жилищах или в шатрах. Они проникают очень далеко и заполняют новые пространства. Нередко они приходят на равнину, или забираются на возвышенности, иногда останавливаются в долинах. Направление их движения и места остановок, заявляет Ф. Бродель, определяются временем года и наличием пастбищ [9; 115].

Бродель вступает в лёгкую дискуссию с де Тоттом, который полагает, что племена, которые зимуют в центре Азии, а летом уходят в Сирию в поисках травы для своих стад, взяв имущество и оружие, считаются кочевниками, но являются ими не более, чем пастухи Испании, которые, проходят в течение нескольких месяцев со своим скотом по горам Андалусии.

Сравнивать испанских *gabadanes* и туркменских пастухов можно, по мнению Ф. Броделя, только на первый взгляд, представив себе большие расстояния, которые они преодолевают [9; 115]. Туркмены, указывает Бродель, не проходят огромных расстояний, но двигаются вместе со своими семьями и жилищами. В этом, на его взгляд, заключается разница.

Фернан Бродель отмечает продолжительность превращения номадов в сезонных животноводов, а горцев в поселенцев долин и городков. Чтобы произошли изменения данного вида, на его взгляд, потребуются сотни лет [9; 116]. Пиренеи, Апеннины и Альпы или другие горы имеют, по мнению Броделя, похожую перспективу, которая проявляется в истории горных массивов, расположенных рядом с морем [9; 117].

В этих жестких пределах воздействие тихих волн, считает Ф. Бродель, не является замкнутым, перемены связей между людьми и окружающей средой объединяются с другими поступательными силами — экономическими. Эти события связаны друг с другом, влияют на условия жизни сообществ. Географический анализ долговременных сюжетов, заключает в итоге Бродель, объясняет самые продолжительные колебательные движения в истории [9; 117].

Оригинальна связь исторической роли полуостровов с пассионарной активностью соседей-кочевников. Полуострова, по мнению Ф. Броделя, имеют огромные ресурсы и возможности, их влияние определяющее [9; 211]. Возникает проблема об исторической общности пространств, заключенных в полуостровных рамках [9; 212].

Перед нашествием мавров на Пиренеи в VIII веке в Северной Африке произошел демографический подъём, как и позже походам османов на Балканы предшествовало демографическая перегруженность Малой Азии, где происходил, по-видимому, считает Ф. Бродель, переход от кочевого к полукочевому образу жизни [9; 214].

Средиземноморье расположено вблизи большого числа пустынь, которые тянутся от Сахары до Китая. Сирийская пустыня соседствует с одним из самых больших скоплений номадов в мире [9; 239]. Пространства оказываются связаны благодаря караванным дорогам, на которых двугорбый верблюд в Малой Азии и Иранском нагорье смещает дромадера центральных и западных пустынь (С. 239). Эта огромная пустыня удивляет Броделя своими внушительными размерами, когда возрастает роль средств передвижения, которые доминируют над всем. Изобилие пустых территорий при-

водит, по мнению Ф. Броделя, социум и экономику к постоянному движению, притом более сложному, чем в других регионах [9; 241].

Большие пустые территории, считает Ф. Бродель, приводят людей к бедности и страданиям. Земли с малой растительностью считаются здесь «пастбищами». Лесов практически нет [9; 242]. В этой скудной среде биологические виды существуют лишь потому, что природа не терпит пустоты [9; 243].

Во время изменений климата и природных катаклизмов люди оказываются способными выжить, чего бы это им не стоило. Если бы не было прирученных животных, считает Ф. Бродель, люди не могли бы ответить на угрозу пустыни [9; 243]. Почти все арабы, по Броделю, — это номады, «похожие на рои пчёл» и создающие небольшие сообщества: патриархальные семьи, «фракции», «племена», конфедерации племён [4; 75].

Верблюд, по мнению Ф. Броделя, даёт возможность человеку кочевать и использовать растительность более богатых и влажных пространств [9; 243]. Верблюд — это помощник, который помогает жить в пустыне. Многие жители Аравии существуют только за счёт разведения верблюдов. Физиологические способности верблюда, по мнению Ф. Броделя, помогают ему осуществлять дальние перемещения от одного пастбища к другому [4; 76].

Для пищи кочевников мало продуктов, получаемых от верблюжьих стад. Охота и примитивное собирательство дополняли скудный рацион номадов. В XVI веке ещё встречаются дикие верблюды, быки, ослы и бараны, сайгаки и серны, куропатки [9; 243].

Кочевники, по мнению Ф. Броделя, зависимы от пастбищ и водопоев, что требует постоянных перемещений [9; 244]. Обыденностью является гонка за «убегающей травой» [4; 76]. На выючных верблюдах номады уходят за сотни километров с юга на север и обратно. Ближе к северу, у границ с «плодородным полумесяцем», кочевничество, считает Ф. Бродель, деградирует под влиянием оседлых народов. Скотоводство, уже не требует комплексных передвижек [4; 76]. В Аравии кочевничество, связанное с верблюдоводством, сохраняет, по мнению Ф. Броделя, своё господство.

По всей видимости, происходят стычки из-за бедных пастбищ. Эти территории, никому непринадлежавшие, защищены правовым обычаем. Выгоднее номадам, считает Ф. Бродель, было атаковать оседлые земли. Необходимо было охранять паломников от грабежей кочевников.

Существование этих социумов в пустыне, столь дикое на первый взгляд, оказывается, по мнению Ф. Броделя, имеющей сложную систему, обычаи и «изолированные юридические структуры» [9; 245].

Движению в западном направлении, по мнению Броделя, есть свои объяснения историко-географического характера. Арабы не сумели в VII веке одержать успех в Малой Азии, потому что их верблюды страдали от низких температур суровой Анатолии [4; 76]. С другой стороны, по Броделю, в Центральной Азии есть свои номады, стада своего скота, имеют место свои насильственные процессы миграции [4; 76, 77]. Пустыни севера, делает вывод учёный, не являются пустыми территориями для нормального размещения [4; 77].

Бродель выделяет две страты номадов. Во-первых, это номады гор, передвигающиеся на короткие дистанции. Во-вторых, номады, кочующие вне Сахары, в близлежащих степях, которым пришлось преодолевать огромные пространства [9; 245]. Броделя привлекают только эти далеко уходящие кочевники, которые возвращаются к Средиземному морю в определённое время года.

Зимние атлантические циклоны приводят к обильным осадкам. Они проникают далеко за пределы моря в виде сильных дождей и благоприятствуют, по мнению Ф. Броделя, плодородию степей, где возникают прекрасные пастбища [9; 245]. Травяной покров медленно усыхает с начала лета, по мере продвижения с юга на север. Трава, отмечает Бродель, как бы убегают от скота, который двигается за ней на побережье Средиземного моря, а с началом осени животные приходят на прежние пастбища, где появляется новая растительность [9; 246].

Во время этих перемещений возникают разнообразные препятствия, встречаются территории без растительности, мёртвые зоны, по выражению Ф. Броделя, которые нужно преодолевать. В засушливые годы южные пастбища высыхают раньше, чем обычно и номады удаляются от своих обычных направлений в поисках удобных пастбищ [9; 246].

В XVI веке к побережью выходит больше скотоводов-кочевников, а заслоны, созданные оседлыми жителями, по мнению Ф. Броделя, в то время были недостаточны. На Ближнем Востоке номады, по утверждению французского ученого, вели себя очень уверенно [9; 246]. По всей Северной Африке далёкие направления номадов пересекали регион с севера на юг, они шли, прежде всего, через

тунисскую степь, где не было серьёзных препятствий. «Не является ли маятниковое движение кочевников к морю, а затем обратно от моря одним из важных факторов истории Средиземноморья, не приносит ли оно свою динамику в эту историю?» — задаёт резонный вопрос Фернан Бродель [9; 247].

Есть много причин, считает учёный, которые препятствуют работе этого механизма и стимулируютномада не соглашаться со скудной кормовой базой тех или иных территорий. Для жизниномада важно владеть обильными пастбищами. Нужны также пахотные земли, и даже огорода, которые, заявляет Бродель, служат кочевым народам пунктом снабжения и основой для их участия в социальных процессах [9; 247]. Правда, Бродель недооценивает возможности успешного общественного развития различных объединенийномадов данного региона. Эти правители, могли захватить власть в слабых приморских городках лишь на время, а затем исчезают «возникнув из небытия», в небытие и возвращаются, «лишь на миг приобшившись к оседлой жизни» [9; 248].

В XVI веке в Ливии в похожей ситуации случайно возникают квазигосударстваномадов, которые исчезают столь же быстро, ничего не достигнув [9; 248]. Прекрасный образец «выдающегося успеха кочевников» Бродель видит в Альморавидах, которые смогли за короткий срок дойти от Западной Африки до Испании.

Наряду с этой быстрой экспансией, по мнению Ф. Броделя, происходило тихое и относительно медленное «наводнение», когда в конце средних веков объектом такого проникновения стала Малая Азия. Оседлые жители присягали исламу и перемешивались с турецкими номадами, это общество постепенно приобретало степенность и долговременность. «Ведь кочевники тоже пускают корни (...), они поддаются порой влиянию оседлых средиземноморских жителей, не в силах устоять перед их простыми, зачастую примитивными сельскохозяйственными приёмами» [9; 248].

Перекочевки к морю и обратно происходили на протяжении многих веков. В оседании на землю кочевников, по мнению Ф. Броделя, были достигнуты позитивные результаты. На путиномадов встали серьёзные преграды. В Сирии кочевники имели шансы увеличить свою численность, потому что регион вследствие хороших дождей в Ливане привлекал к себе внимание [9; 249].

Взаимодействие кочевников и оседлых жителей, делает вывод Бродель, не всегда было воинственным. Номад мог при желании осесть, построить дом и завести хозяйство. Используемые в Средиземноморье варианты обработки почвы приводили к её опустошению, наносили ей больший вред, чем проходы животных, принадлежащих кочевникам [9; 249]. Появление скотоводов в отдельной области могло быть связано с необходимостью предоставить земле отдых. Конечно, кочевники и оседлые жители являются неизбежными противниками, цитирует Ф. Бродель одного географа (R. Carot-Roy), но в тоже время они нередко меняются позициями. Неуёмным давлением на землю, крестьяне открывали путь скотоводам. Однако, укрепив свои позиции, организовав регулярные доставки товара, номады переходили к оседлости [9; 249–250]. Освоение новых пространств, превращение их в поля приводили к выдавливанию стад скота, которые раньше там паслись.

Противоборство Средиземноморья и близких пустынь, по мнению Ф. Броделя, не являлось конфликтом между лугом и стадом. Здесь противостоят, считает Бродель, разные модели общества, разные варианты ведения хозяйства, разные образы жизни [9; 250]. Давлению степи предшествует смена социальной системы живущих здесь народов, соглашается Бродель с русскими историками (B. Grekov et A. Lakoubowski), их переход от первобытнообщинной ступени к феодальным способам жизни. Номады используют все слабости оседлых жителей, особенно связанные с приёмами их земледелия [9; 250].

Ф. Бродель приводит мнение Э.-Ф. Готьё о том, что Магриб в XVI веке наводнили массыномадов. Смуты конца XVI века связаны в регентствах Алжира, Туниса и Триполи с волнениями аль-арабов, то есть арабов-кочевников [9; 250]. Роль кочевников в Северной Африке возрастает, но не следует ли рассматривать этот факт, высказывает предположение Ф. Бродель, в ходе общего подъёма конца столетия, которым характеризовалась не только жизнь кочевников, но и другие сферы? [9; 251]. Впрочем, номады в конце концов не сумели победить. По мнению Ф. Броделя, они одерживают локальные победы, застают противника врасплох, распространяют раздоры по большим территориям, но «последнее слово никогда не остаётся за ними» [9; 251].

Номады, имевшие сильную конницу, были вынуждены уступить перед военно-техническим прогрессом. Это относится, по утверждению Ф. Броделя, как к татарам на Волге или монголам Северного Китая, так и к кочевым народам Африки и Ближнего Востока.

Историю кочевых племён, полагает Бродель, следует отделять от истории караванных путей, дальних маршрутов, ведущих с одного конца пустыни на другой [9; 251]. Кочующие стада и их погонщики, торговые караваны, племена в постоянной динамике — вот характерные особенности безводного края в представлении жителей Европы. Жизнь пустыни протекает, по мнению Ф. Броделя, не только в динамике. Оазисы играют важную роль в жизни сообществ, они привлекают к себе людей [9; 256].

Суровая действительность требует, по утверждению Ф. Броделя, регулярной подпитки людьми [9; 256]. В качестве примера Бродель приводит Месопотамию, которая, будучи оторванной турками от Ирана, лишилась источников пополнения своего населения. Ничто не препятствовало кочевникам пригонять свой скот на границы этой страдающей страны. При этом Бродель, несколько высокомерно для европейского историка, ставит в один ряд врагов, постоянно угрожающим оазисам Месопотамии, пески, ил, засоряющий каналы, прорыв плотин и, наконец, «полудикарей, которые кочуют по соседним степям и способны всё истреблять, как саранча» [9; 257].

Каждое поселение Месопотамии имело своих охранников, которые сообщали о приходе кочевников. Бродель сомневается в том, что могли ли вообще номады привыкнуть к жизни оазисов с их растительной пищей? [9; 257].

Ф. Бродель делает весьма сомнительное предположение о роли, которую сыграли оседлые жители, пришедшие из Ирана, в истории Ферганы, заимствуя утверждение историка XIX века В. Наливкина (V. Nalivkine. Histoire du Khanat de Kokand, Paris, 1889). На его взгляд, «именно они, по всей видимости, освоили долину Сырдарьи, выкорчевали непроходимые леса, часто покрывавшие горные склоны, осушили болота, густо заросшие камышом; это дело их рук, *к которому непричастны разнобразные кочевые и полукочевые народы, заполонившие окружающие территории*» [9; 257] (выделено нами. — Авт.).

С другой стороны, Ф. Бродель не соглашается с мнением Альфреда Хеттнера о том, что оазисы лежат в основе всей жизни Востока. Вероятно, утверждает Бродель, географы часто предпочитают только одно из двух противоположных начал, определяющих жизнь пустыни. Как будто номады не пользуются достижениями оседлой жизни, а оседлые — преимуществами подвижности номадов, как будто оба эти начала не принимают участия в истории, преодолевающей рамки каждого из них [9; 258].

Интересна трактовка Ф. Броделем так называемого «географического пространства ислама», заявляя, что ислам — это просторы пустыни, её аскетическая суровость, внутренне присущий ей мистицизм, её преданность неумолимому солнцу, унитарному принципу мифологии, это множество других ощущений человека, затерянного в пространстве [9; 258].

По пескам бредут караваны и «вечно скитающиеся племена». Пустыня и ислам — это движение, заявляет Ф. Бродель. Гомогенностью своего человеческого материала пустыня обязана этой мобильности [9; 258]. Ислам, по Броделю, — это реализация совокупности возможностей, обусловленных образом жизни в пустыне, возможностей, вытекающих из географических особенностей [9; 258, 259]. Ислам — это дорога, которая пронизывает территориальный массив Старого Света, пересекая его от Атлантического до Тихого океана. Ислам, по Броделю, — это исторический шанс, который, начиная с VII века, использовался для консолидации огромных пространств, взяв под свой контроль пути сообщения между территориями Европы, Африки и Дальнего Востока, исполняя при этом с пользой для себя посреднические функции [9; 259; 8; 488, 489]. Ислам — это как бы «промежуточный континент», связывающий между собой все эти области [4; 82]. Ислам образовался из нескольких регионов, между которыми располагались большие пустые пространства [4; 83]. Ислам, отмечает французский учёный, становится «господствующей цивилизацией, господствующим видом хозяйствования» [9; 259].

Города ислама, считает Ф. Бродель, чересчур увлечены торговлей, а сельская местность страдает от нехватки территорий. В результате — возникновение «эксклюзивного, пасторального кочевничества, принимающего различные формы» [4; 83, 84].

Аравия кочевников, по мнению Ф. Броделя, использовала в целях ислама свои значительные военные ресурсы [4; 77]. Оставаясь воинами, номады сохранили свой образ жизни. Халиф Омар, чтобы остановить межплеменную вражду, отправил их в джихад. Кочевники таким образом, по утверждению Ф. Броделя, реализовали первые завоевательные походы ислама [4; 77].

Эти немногочисленные этносы, эти небольшие отряды перемещались по безмерным территориям в сопровождении повозок, шатров из козлиной или верблюжьей шерсти, несли с собой, по выра-

жению Броделя, «свои привычки, нравы, амбиции, исконное желание пастухов остаться пастухами, презрение к удушающей жизни оседлых народов» [4; 77]. Исламская экспансия на Запад, по замечанию Ф. Броделя, выглядела как «бомбардировка» огромного пространства мелкими человеческими частицами [4; 77]. Номады оседали везде, и с ними закреплялись их язык, их обычаи, их недостатки и достоинства.

Роль арабских племён, по мнению Ф. Броделя, обращает внимание к способу, каким ислам закреплял свои достижения на «культурах» примитивных этносов, которые он вполне успешно ассимилировал и по-мусульмански «цивилизывал» [4; 77]. В течение века арабские племена приносили исламу триумф и славу. Затем ислам покорил Испанию и Египет при помощи горцев из Северной Африки — мавров. Потом в своих целях, считает Бродель, он использовал тюркско-монгольские племена — номадов из Центральной Азии, которых ему удалось обратить в свою веру [4; 78]. С X века тюркские наёмники — храбрые воины, лучники, всадники — составляли основу армий багдадских халифов.

История, по выражению Броделя, вновь поставила всё на свои места — бедные становятся богатыми, кочевники — горожанами, наёмники вчера, хозяева завтра, представители тюркских народов (сначала сельджуки, затем османы) становились новыми князьями ислама [4; 78]. Броделю представляется, что мы сталкиваемся с предназначением ислама, которое состоит в том, чтобы привлечь на свою сторону, использовать соседние примитивные этносы (в данном случае, тюркских кочевников), а затем подчинить их своему могуществу [4; 78]. «Примитивный, но удачливый вояка растворяется в городской культуре ислама».

Если взять холодные азиатские пустыни, то здесь ислам, утверждает Ф. Бродель, испытывал непрочность своего господства, которое оставалось «маргинальным», учитывая воинственность живших в этих местах кочевников [4; 86]. Самые могущественные из этих кочевых племён доходили до Ирана, угрожали Багдаду [4; 86, 108, 109].

Часто описание бедуина ограничивается, по мнению Ф. Броделя, представлением его как примитивного существа, но, в то же время — это «великолепный образец выживаемости» [4; 84]. Нищенское существование, с которым он должен мириться, затрудняет, считает Бродель, его «социальное продвижение», которое невозможно без обращения к оседлой жизни и которую он ненавидит.

Если проблемы кочевничества на территориях средиземноморского ареала Ф. Бродель рассматривает достаточно скрупулёзно, стремится к точности и фактической обоснованности оценок, то его исторические пассажи относительно кочевников регионов более удалённых, на наш взгляд, небрежны, поверхностны и несамостоятельны. Может быть, это следствие того, что французский учёный вынужденно вторгался в географические области, не представляющие для него прямой исследовательский интерес. Например, рассуждая о так называемом Русском перешейке, континентальной перемычке, или историческом коридоре к Чёрному или Каспийскому морю, Бродель на пустынных пространствах Южной России обнаруживает лишь *«кочующие шайки»* крымских татар, которые легко переносятся на своих быстрых конях к границам Северного Кавказа или на берега Каспийского моря, под стены Москвы (...) или в долины Дуная, которые они подвергают безжалостному разрушению» [9; 263] (*выделено нами. — Авт.*).

В конце XVIII века русская колонизация, по версии Ф. Броделя, «застаёт здесь всё то же *необъятное безлюдное пространство, по которому бродят немногочисленные воинственные кочевники* в сопровождении верблюжьих и лошадиных стад» [9; 263]. *«Набеги этих хищников* столь же мало способствуют заселению бескрайней степи (где нет ни одного города), как плавание корсаров — оживлению морских сообщений. Из-за них эти земли опасно посещать», пишет Ф. Бродель [9; 263] (*выделено нами. — Авт.*). Такие набеги порой совершались горстками всадников. Бродель отмечает ужасные условия их зимовок, когда они вместе с женами, детьми и стадами кормятся на месте стоянок [9; 313].

Выводы

Таким образом, кочевничество с его жесткой закрытой «культурой» говорит, по мнению Ф. Броделя, об очевидном детерминизме [4; 84]. Народы становятся пленниками своего «Ответа» на «Вызов» природы, окружающей среды. Необходимо учитывать, заявляет Бродель, и таков сильный консолидирующий фактор, действующий вместе с общественным, но на более тесном пространстве, как климат, обязательно приводящий к общему знаменателю ландшафты и образ жизни [9; 323].

Для истории, по мнению Ф. Броделя, важно сходство климата и сезонных ритмов, порождающих одинаковую растительность, благодаря одинаковому геологическому строению — одни и те же ландшафты. Они определяют, в конечном итоге, и схожесть образа жизни. Повсюду находим одни и те же стада и общие каждодневные проблемы. Что пригодно для одного региона, пригодно и для другого [9; 329]. В общественном плане единство климата, считает Ф. Бродель, вызывает многие другие последствия. Природа и человек действовали в данном случае синхронно.

Концепция кочевничества Фернана Броделя составляет важное звено его общей картины исторического развития Средиземноморья и прилегающих регионов, а также глобальной системы мировых связей от Сахары до Гоби, от Каспия до Индии.

Список литературы

- 1 Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики: французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии / Ю.Н. Афанасьев. — М.: Мысль, 1980. — 282 с.
- 2 Афанасьев Ю.Н. Вчера и сегодня французской «новой исторической науки» / Ю.Н. Афанасьев // Вопросы истории. — 1984. — № 8.
- 3 Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и его видение истории / Ю.Н. Афанасьев // Новая и новейшая история. — 1985. — № 5. — С. 62–71.
- 4 Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель — М.: Весь мир, 2008. — 552 с.
- 5 Бродель Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель — Смоленск: Полиграмма, 1993. — 123 с.
- 6 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. — Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель. — М.: Прогресс, 1986. — 624 с.
- 7 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. — Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель. — М.: Прогресс, 1988. — 632 с.
- 8 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. — Т. 3. Время мира / Ф. Бродель. — М.: Прогресс, 1992. — 679 с.
- 9 Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: [В 3 ч.]. — Ч. 1. Роль среды / Ф. Бродель. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.
- 10 Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: [В 3 ч.]. — Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Ф. Бродель. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 808 с.
- 11 Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: [В 3 ч.]. — Ч. 3. События. Политика. Люди / Ф. Бродель. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 640 с.
- 12 Бродель Ф. Что такое Франция? Кн.1. Пространство и история / Ф. Бродель. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. — 406 с.
- 13 Бродель Ф. Что такое Франция? Кн.2. Люди и вещи. — Ч. 1. Численность народонаселения и её колебания на протяжении веков / Ф. Бродель. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. — 244 с.
- 14 Бродель Ф. Что такое Франция? Кн.2. Люди и вещи. — Ч. 2. «Крестьянская экономика» до начала XX в. / Ф. Бродель. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. — 512 с.
- 15 Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. — М.: Индрик, 1993. — 327 с.
- 16 Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков / В.М. Далин. — М.: Наука, 1981. — 324 с.
- 17 Смирнов В.П. Фернан Бродель: жизнь и труды // Французский ежегодник. 2002: Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902–1985). — М.: Наука, 2002. — С. 79–100.
- 18 Соколова М.Н. Историческая теория Фернана Броделя // Французский ежегодник. — 1972. — М.: Наука, 1974.
- 19 Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса / М.Н. Соколова. — М.: Наука, 1979. — 367 с.
- 20 Шлюпиков М.В. «Время мира» Фернана Броделя и проблемы модернизации // Модернизация: мировой опыт и современный Казахстан: Респ. науч. конф. — 20–21 апр. 1995 г. — Алматы: Изд. Независимого университета «Туран», 1995. — С. 106–110.
- 21 Шлюпиков М.В. Современная западная историческая мысль в историографии СССР и СНГ // Исторические и историографические проблемы всеобщей истории: сб. науч. тр. Межвуз. — Караганда: Изд-во КарГУ, 1995. — С. 3–42.
- 22 Шлюпиков М.В. Французская историческая школа «Анналов» в историографии СССР и СНГ // Всемирная история в канун XXI века: методология, историография и источниковедение. — Караганда: Изд-во КарГУ, 1996. — С. 59–78.
- 23 Шлюпиков М.В. Человек и природа средневековой Франции в исторической концепции Ф. Броделя / М.В. Шлюпиков, М.М. Шлюпикова // Medieval History of Central Eurasia — ISCA (International Science Complex Astana). — Nur-Sultan, 2021. — № 3. — С. 85–109.

М.В. Шлюпиков, М.М. Шлюпикова

Орта ғасырлардағы ландшафттар: Фернанд Бродель Жерорта теңізінің ортағасырлық әлеміндегі көшпенділік мәселесі туралы

Көрнекті француз ғалымы, «Жылнамалар» тарихи мектебінің екінші буынының танымал көшбасшысы Фернанд Бродельдің ғылыми мұрасы тарихнамалық қызығушылықты жалғастыруда. Алайда оның зерттеулерінің барлық аспектілері лайықты бағаланбаған. Авторлар Ф. Бродельдің Жерорта теңізі мен оған іргелес аймақтардағы адам мен табиғаттың өзара әрекеттесу тарихына қатысты концептуалды тәсілдерін көшпенділік мәселесі арқылы қарастырған. Бұл мәселені қарастыру әдісі тарихнамалық зерттеудің негізгі қағидаларына сәйкес келеді: оның шығармаларын талдау арқылы автордың мазмұндық позициясын анықтау, дереккөздік қорын және пайдаланылған дереккөздерді сынау әдістерін сипаттау. Бродель көшпенділігі — тек Орталық Азия далаларының, Иран таулы аймақтарының жайылымдарының, Сахара құмдарының құбылысы ғана емес, сонымен қатар Пиреней түбегінің, Прованстың, Апенниннің, Балқанның және Кіші Азияның дамушы қоғамдары өмірінің органикалық бөлігі болып табылады. Ф. Бродельдің алдында малды жайылымға көшіруге және көшпелі өмір салтына, яғни адам массасы мен мал табындарының тұрақты қозғалысына байланысты көптеген мәселелерді толығымен қамту міндеті тұрды. Ол Балқандағы, Анадолыдағы және Солтүстік Африкадағы көшпелі өмір үлгісін қалпына келтірген. Оның пікірінше, қоғамның әртүрлі типтері, шаруашылық жүргізудің әртүрлі түрлері, әртүрлі өркениеттер мен өмір сүру тәсілдері түйіседі. Сондай-ақ, малдың маусымдық көшуінің бірнеше бөлінуімен келіседі. Ф.Бродельдің пікірінше, маусымдық мал айдау әртүрлі факторлармен байланысты: физикалық, әлеуметтік және тарихи. Ол көшпенділіктің шалғайдағы жайылымдық мал шаруашылығына қарағанда ертеден бастау алғанын айтады. Көшпелі малшылар ішкі жазықтар мен ойпаңдардан бірте-бірте және дәйекті түрде қуылып, таулы шеттер мен шеткі жазықтарға қайта ығыстырылады. Ф. Бродельдің пікірінше, бос кеңістіктердің шамадан тыс көптігі, қоғам мен экономиканы мәңгілік қозғалысқа келтіреді. Бродель Жерорта теңізі тарихының маңызды факторларының бірі дала көшпелілерінің маятниктік қозғалысын теңізге, содан кейін теңізден шөлге қайтару деп санады. Оның көзқарасы бойынша, көшпенділік өзіндік қатал тұйық «мәдениетімен» айқын детерминизм туралы айтады.

Кілт сөздер: Бродель, тарихнама, көшпенділік, шалғайдағы мал шаруашылығы, Жерорта теңізі, Сахара, Таяу Шығыс, шөл, оазистер, керуен саудасы, ислам, арабтардың жаулап алулары.

M.V. Shlyupikov, M.M. Shlyupikova

Landscapes of the Middle Ages: Fernand Braudel on the problem of nomadism in the medieval world of the Mediterranean

The scientific heritage of Fernand Braudel, the outstanding French scientist and the recognized leader of the second generation of the historical school “Annales”, continues to be of great historiographical interest. However, not all aspects of his research have been adequately evaluated. The authors of this study examine the conceptual approaches of F. Braudel to the history of interaction between man and nature in the Mediterranean and adjacent regions through the problem of nomadism. The method of considering this issue corresponds to the basic principles of historiographic research: Identifying the author’s substantive position by analyzing his works, characterizing the source base and methods of criticizing the sources used. Braudel’s nomadism is not only a phenomenon of the steppes of Central Asia, the pastures of the Iranian Highlands, the sands of the Sahara, but an organic part of the life of the developing societies of the Iberian Peninsula, Provence, Apennines, Balkans, Asia Minor. F. Braudel was faced with the task of covering in its entirety the numerous problems associated with driving livestock to grazing and with the nomadic way of life, that is, with the regular movement of human masses and herds of livestock. Braudel revives the model of the nomadic life of the Balkans, Anatolia and North Africa. Here, in his opinion, different types of society, different types of economic management, different civilizations and ways of life collide. Braudel agrees with the identification of several types of seasonal movement of livestock. According to F. Braudel, seasonal movements of livestock are associated with a variety of factors: physical, social, historical. Nomadism, Braudel believes, has a more ancient origin than distant-pasture animal husbandry. Nomadic herders were gradually and consistently driven out of the inner plains and lowlands and were driven back to the mountainous outskirts and peripheral plains. An overabundance of empty spaces dooms, from the perspective of F. Braudel, society and economy to perpetual motion. He considered the pendulum movement of the steppe nomads to the sea, and then back from the sea to the desert to be one of the essential factors in the history of the Mediterranean. Nomadism, with its harsh closed “culture” speaks, according to F. Braudel, of obvious determinism.

Keywords: Braudel, historiography, nomadism, pasture farming, Mediterranean, Sahara, Middle East, desert, oases, caravan trade, Islam, Arab conquests.

References

- 1 Afanasev, Yu.N. (1980). Istorizm protiv eklektiki: frantsuzskaia istoricheskaia shkola «Annalov» v sovremennoi burzhuaznoi istoriografii [Historicism versus eclecticism: the French historical school “Annales” in modern bourgeois historiography]. Moscow: Mysl [in Russian].
- 2 Afanasev, Yu.N. (1984). Vchera i segodnia frantsuzskoi «novoï istoricheskoi nauki» [Yesterday and today of the French “new historical science”]. *Voprosy istorii — Questions of history*, 8 [in Russian].
- 3 Afanasev, Yu.N. (1985). Fernan Brodel i ego videnie istorii [Fernand Braudel and his vision of history] *Novaia i noveishaia istoriia — Modern and Contemporary History*, 5, 62–71 [in Russian].
- 4 Brodel, F. (2008). *Grammatika tsivilizatsii* [Grammar of Civilizations]. Moscow: Ves mir [in Russian].
- 5 Brodel, F. (1993). *Dinamika kapitalizma* [Dynamics of capitalism]. Smolensk: Poligramma [in Russian].
- 6 Brodel, F. (1986). *Materialnaia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Vol. 1. The structures of everyday life: the possible and the impossible]. Moscow: Progress [in Russian].
- 7 Brodel, F. (1988). *Materialnaia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 2. Igry obmena* [Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Vol. 2. Exchange games]. Moscow: Progress [in Russian].
- 8 Brodel, F. (1992). *Materialnaia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 3. Vremia mira* [Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Vol. 3. Time of the world]. Moscow: Progress [in Russian].
- 9 Brodel, F. (2002). *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II: V 3 chastiakh. Ch.1. Rol sredey* [The Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Era of Philip II: Parts 1-3; Part 1. The role of the environment]. Moscow: Languages of Slavic culture [in Russian].
- 10 Brodel, F. (2003). *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II: V 3 chastiakh. Ch.2. Kollektivnye sudby i universalnye sdvigi* [The Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Era of Philip II: Parts 1-3; Part 2. Collective destinies and universal shifts]. Moscow: Languages of Slavic culture [in Russian].
- 11 Brodel, F. (2004). *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II: V 3 chastiakh. Ch.3. Sobytiia. Politika. Liudi* [The Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Era of Philip II: Parts 1-3; Part 3. Developments. Politics. People]. Moscow: Languages of Slavic culture [in Russian].
- 12 Brodel, F. (1994). *Chto takoe Frantsiia? Kniga 1. Prostranstvo i istoriia* [What is France? Book 1. Space and history]. Moscow: Izdatelstvo imeni Sabashnikovoykh [in Russian].
- 13 Brodel, F. (1995). *Chto takoe Frantsiia? Kniga 2. Liudi i veshchi. Ch. 1. Chislennost narodonaseleniia i ee kolebaniia na protiazhenii vekov* [What is France? Book 2. People and things. Part 1. Population size and its fluctuations over the centuries]. Moscow: Izdatelstvo imeni Sabashnikovoykh [in Russian].
- 14 Brodel, F. (1997). *Chto takoe Frantsiia? Kniga 2. Liudi i veshchi. Ch 2. «Krestianskaia ekonomika» do nachala XX v.* [What is France? Book 2. People and things. Ch2. “Peasant economy” before the beginning of the twentieth century]. Moscow: Izdatelstvo imeni Sabashnikovoykh [in Russian].
- 15 Gurevich, A.Ya. (1993). *Istoricheskii sintez i shkola «Annalov»* [Historical synthesis and the “Annals school”]. Moscow: Indrik [in Russian].
- 16 Dalin, V.M. (1981). *Istoriki Frantsii XIX–XX vekov* [French historians of the XIX–XX centuries]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 17 Smirnov, V.P. (2002). Fernan Brodel: zhizn i trudy [Fernand Braudel: Life and Works]. *Frantsuzskii yezhegodnik. 2002: Istoriki Frantsii. K 100-letiiu V.M. Dalina (1902–1985) — French Yearbook. 2002: Historians of France. To the 100th anniversary of V.M. Dalin (1902–1985)*. Moscow: Nauka, 79–100 [in Russian].
- 18 Sokolova, M.N. (1974). *Istoricheskaia teoriia Fernana Brodelia* [Historical theory of Fernand Braudel]. *Frantsuzskii yezhegodnik. 1972 — French Yearbook. 1972*. Moscow: Nauka, 313–333 [in Russian].
- 19 Sokolova, M.N. (1979). *Sovremennaia frantsuzskaia istoriografiia. Osnovnye tendentsii v obiasnenii istoricheskogo protsessa* [Contemporary French historiography. Major trends in explaining the historical process]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 20 Shlyupikov, M.V. (1995). «Vremia mira» Fernana Brodelia i problemy modernizatsii [“Time of the world” by Fernand Braudel and the problems of modernization]. *Proceeding from Modernization: world experience and modern Kazakhstan: Respublikanskaia nauchnaia konferentsiia (20–21 apreliia 1995 goda) — Republican Scientific Conference (pp.106–110)*. Almaty: Izdanie Nezavisimogo universiteta «Turan» [in Russian].
- 21 Shlyupikov, M.V. (1995). *Sovremennaia zapadnaia istoricheskaia mysl v istoriografii SSSR i SNG* [Modern Western Historical Thought in the Historiography of the USSR and the CIS]. *Historical and Historiographic Problems of World History. Sbornik nauchnykh trudov — Collection of scientific works*. Karaganda: Izdatelstvo Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].
- 22 Shlyupikov, M.V. (1996). *Frantsuzskaia istoricheskaia shkola «Annalov» v istoriografii SSSR i SNG* [French historical school “Annales” in the historiography of the USSR and the CIS]. *Vsemirnaia istoriia v kanun XXI veka: metodologiia, istoriografiia i istochnikovedenie — World history on the eve of the XXI century: methodology, historiography and source studies*. Karaganda: Izdatelstvo Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].
- 23 Shlyupikov, M.V., & Shlyupikova, M.M. (2021). *Chelovek i priroda srednevekovoi Frantsii v istoricheskoi kontseptsii F. Brodelia* [Man and nature of medieval France in the historical concept of F. Braudel]. *Medieval History of Central Eurasia — ISCA (International Science Complex Astana), Nur-Sultan*, 3, 85–109 [in Russian].